

II

ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ԵԻՐՈՊԱՅԻ ՀԱՅ ՀԱՄԱՅՆՔՆԵՐ

*Степан Захаркевич, к.и.н., доцент
Европейский Гуманитарный Университет (Вильнюс, Литва)*

КУЛЬТУРА ПАМЯТИ АРМЯНСКИХ ОБЩИН ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹ И ВЛИЯНИЕ НА НЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ В СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассмотрено несколько примеров разных исторических нарративов (общеармянского, регионального и национального) об армянских общинах Беларуси, Польши и Украины под влиянием национальных традиций, исторической политики государств и их влияния на культуру памяти армянских общин этого региона. В представленных кейсах четко прослеживается зона взаимодействия между нарративами, интересами армянских общин, сложными, политически ангажированными в Восточной Европе национальными проектами и формирующимися в них национальными историческими нарративами белорусов, поляков и украинцев. Подобные пересечения часто формируют конфликты и противоречия. Проанализированы примеры, позволяющие очертить и охарактеризовать точки противоречий: дискуссия о правомерности терминологии «украинские армяне» в период Речи Посполитой (16–18 вв.) в противопоставлении понятию «польские армяне»; пример «трудного» наследия советско-польской войны 1919–1921 гг.; соприкосновение национального исторического нарратива Беларуси с жизнью и культурным влиянием Маджарских. Очевидно, что задача армянских сообществ – показать и доказать свое историческое присутствие и общность историко-культурного наследия для национального большинства. В результате, практически никто не заинтересован в дискуссии о более сложных и гибридных исторических и нелинейных этнических процессах, а также в формировании новых, более сложных и противоречивых исторических нарративов. Тем не менее, вербализация вышеперечисленных проблем и точек противоречий позволяет четче очертить контуры этих процессов, понять роль разных субъектов в них.

Ключевые слова: история армян Беларуси, Польши, Украины, культура памяти армян Восточной Европы, историческая политика, трудное наследие армян Восточной Европы.

Введение

В настоящее время государства Восточной Европы активно используют методы и инструменты исторической политики для формирования необходимого

¹ Использование термина носит инструментальный характер и относится к постсоветским и постсоциалистическим странам. В данной статье речь ведется только о Беларуси, Польше, Украине и частично упоминается Литва (не противопоставляя её другим странам Балтии) и Россия.

общественного мнения и инструментализируя культуру памяти². Этот процесс может входить в определенные противоречия или даже конфликты с целями культуры памяти этнических меньшинств этих государств или общими интересами совокупности общин больших регионов, таких как Восточная Европа или Центрально-Восточная Европа. Одним из таких примеров могут стать практики культуры памяти армянских общин Беларуси, Польши и Украины. Политизация культуры памяти как практик поддержания стабильного существования культурного своеобразия армян этих стран может нанести ущерб армянским общинам как Восточной Европы, так и культуре этих государств в целом.

Очевидно, что история армян конкретных стран (Беларуси, Польши, Украины) имеет своим основанием историю миграции армян, что включает эту историю в некий канонический общий армянский исторический контекст. Все эти люди, этнически являясь армянами, разделяли часть или большинство культурных моделей армянского народа, что автоматически включает эти нарративы в общеармянскую канву. С другой стороны, история миграции также дает сильные рациональные аргументы включения историй армянских общин конкретных стран (Беларуси, Польши и Украины) в общий армянский исторический контекст. Это первый важный уровень или пласт восприятия истории армянских общин Беларуси, Польши и Украины.

С другой стороны, история армян конкретной страны является частью национальной истории Беларуси, Польши и Украины. Это видно по обоюдным процессам как организации научных конференций армянскими общественными организациями вместе с историческими академическими институтами Беларуси, Польши и Украины, так и стремление опубликовать результаты исследований по национальным научным стандартам. Тут можно привести примеры двух состоявшихся и еще одной планируемой конференции в Беларуси, длительное существование польского научного журнала по истории армян, украинские проекты, т.е. наблюдается стремление сделать историю армянских общин частью национальных историй.

Также в обратном движении наблюдается процесс «приватизации» армянской истории национальными нарративами – например, история случившихся поясов и роли в них рода Маджарских в Беларуси. Здесь, вполне допустимо, сталкиваемся с примером культурной апроприации белорусским историческим нарративом части истории как армян в целом, так и белорусской армянской общины в частности. Также для этого пласта характерно участие в исследованиях как армянских, так и неармянских историков. Это также важный аспект, так как армянских историков в национальных нарративах Беларуси, Польши и Украины не хватает (стоит также отметить, что в последних двух странах очевидно больше, чем в первой), и армянской тематикой нередко занимаются местные национальные историки, которые имеют академический ресурс сильнее легали-

² Миллер 2012, 8.

зировать армянскую тематику. Однако этот процесс чреват исчезновением или размытием «этнической нотки», характерной для «своих» армянских историков, для которых это не просто очередная научная тема, а часть их идентификации и категоризации, основ символического оправдания существования самой армянской общины.

Сложное переплетение национальных проектов Беларуси, Польши, Украины вступают в противоречие и конфликты с концепциями самоописания и самоидентификации армянских общин этих стран. Все это осложняется общей историей региона, когда в период Великого княжества Литовского, Речи Посполитой и Российской империи территории Беларуси, Польши и Украины входили в эти государства и теперь конкурируют за историческое наследие и национальные пантеоны. Также запутывают ситуацию исторические политики Беларуси, Польши, Украины и мощное влияние на некоторых из них российской пропаганды.

Таким образом, цель статьи – охарактеризовать процесс влияния и взаимодействия культуры памяти армянского меньшинства, отдельных национальных исторических нарративов и общеармянской истории в целом в процессе освоения исторического знания на примере нескольких кейсов из Беларуси, Польши и Украины.

Дискуссия об «украинских» и «польских» армянах или право на постколониальное и национальное осмысление прошлого

После распада СССР и социалистического лагеря Беларусь, Польша и Украина (как, собственно, и остальные страны Восточной Европы) начали формировать свою национальную историю в соответствии с политическими и идеологическими требованиями собственного национального проекта. Они опирались на концепции героизма, жертвенности, борьбы за свободу от колониального и/или имперского гнета, формировали новые моральные и культурные ценности³. Все национальные истории упомянутых стран исходят из общепринятого определения нации как народа, имеющего свое государство и собственную историю.

Прошлое накладывается на современные границы государства, нередко выходя за его пределы на этническую территорию, или если в прошлом государство имело большие границы (литовский Вильнюс и российский Смоленск для белорусов, польские Карпаты для украинцев и Кресы восточные (Западная Беларусь и Украина) для поляков). Сложности и противоречия начинают возникать, если государство имело похожее название с одной из современных наций (например, средневековое Польское королевство и современная Польша), но в его состав в прошлом входили территории других современных государств и наций (Беларусь и белорусы, Украина и украинцы, Литва и литовцы и т.д.). В такой ситуации многие элементы, явления и факты прошлого большого государства начинают приватизироваться современным государством и нацией,

³ Біч 1993, 15-24; Чупрій 2011, 18–26; Ігнатенко 2022, 285–290.

название которого совпадает с историческим названием. Пример современной Польши и Речи Посполитой 16–18 вв. очень показателен.

В этих условиях этнические меньшинства в Беларуси и Украине попадают в двойную ловушку, когда местные национальные проекты противостоят польскому и российскому влиянию и стремлению присвоить историческое прошлое своих государств, однако параллельно апроприируют историко-культурное наследие этнических меньшинств в свой национальный нарратив. Классическим примером такого подхода является статья известного польского историка Криштофа Стопки «Польские или украинские армяне? О способе написании истории армян в современной Западной Украине», которая вышла в первом номере основанного им журнала, посвященного истории польских армян «Lehahayer»⁴. В этой довольно большой по объёму статье известный арменовед и историк армян в Речи Посполитой раскритиковал современный украинский исторический нарратив (на время выхода статьи) об «украинских армянах».

Почему эта статья стала предметом анализа? Она написана польским историком с позиций академической науки и представляет позицию не столько армянского сообщества Польши (хотя и его также), сколько репрезентирует польский национальный исторический нарратив, который в 2000–2015 гг. вступил в активную конкуренцию с соседними (беларуским, литовским и украинским) национальными проектами. Это также отражает сложную ситуацию соподчинения, когда польский национальный нарратив и академическая традиция наслаиваются и поглощают местный армянский (построенный, очевидно, на польской истории и идентификации) и выступают в его защиту, преследуя, возможно, более широкие цели конкуренции с украинским национальным проектом.

Так, например, Криштоф Стопка критически указывает, что «Украина рассматривается как государство, которое непрерывно существовало от средневековья»⁵, «в средневековье не существовало государства с названием Украина, также украинского народа и украинской идентичности»⁶, однако сам широко использует вместо официального название государств 14–18 веков – Польское королевство или Великое княжество Литовское, упрощающие заменители «Польша» и «Литва», которые подсознательно формируют представление о существовании Польши как государства польского народа и нации и в средневековье и в Новое время и в настоящее время, что не соответствует действительности.

Все нации Восточной Европы формировались в модерную эпоху в конце 19-го – начале 20-го веков. К. Стопка категорически возражает против использования термина «украинские армяне», считая, что этот подход был заложен в советское время по территориальному принципу. Целью анализа данного кейса не является сама академическая аргументация и исследование исторического

⁴ Stopka 2010, 149–171.

⁵ Stopka 2010, 154.

⁶ Stopka 2010, 155.

методологического аппарата автора. Тем не менее, ряд аргументов, имеющих значение для цели статьи, необходимо озвучить. Так, с одной стороны, К. Стопка подчеркивает необходимость использования термина «польские армяне», его совпадением с традициями самого армянского меньшинства. Автор дает примеры армянских исследователей 19-го века Садока Баронча и Франтишка Захариасевича, которые в своих книгах использовали эту терминологию.⁷ Однако, в другой ситуации он отрицает право армянских историков из Армении и Украины в советское время использовать термин «украинские армяне»⁸. Он легко отказывается армянским и украинским историкам в таком праве, но сразу же соглашается с подобным правом польских историков пользоваться концепцией «польские армяне»⁹.

Стоит отметить, что работ польских историков, которые писали о «польских армянах» и ранее и позже, значительно больше, чем отмечает К. Стопка¹⁰. Это во многом было связано с традиционными установками польского национального исторического нарратива, который широко использовал термин «dawna Polska», подразумевая под ним символическую связь средневекового Польского королевства с современной Польшей¹¹. Однако дискуссии с историками Беларуси, Литвы и Украины, а также тенденции развития исторической науки в самой Польше привели к уточнению и конкретизации терминов, что является частью постколониальных обсуждений и исследований¹². Кстати, сам К. Стопка впоследствии также стал более четким в определении государственной принадлежности и на международных конференциях, например в Беларуси, использовал современные общепринятые рамки и категории¹³.

Отдельно стоит отметить понимание К. Стопкой проблемы национализма и национальных проектов в осмыслении истории этнических меньшинств в целом на примере армянской общины Украины. Он большое внимание уделяет критике подходов одного из самых известных украинских историков армян Ярослав Дашкевича. К. Стопка называя Я. Дашкевича представителем украинского национализма, критикует его за сознательную подмену термина «Польша» «Украиной»¹⁴. Вместе с тем, стоит отметить, что Я. Дашкевич, используя абсолютно такое же легитимное понятие национального исторического нарратива «Украина», как и «Польша» для К. Стопки, не всегда использовал понятие «украинские армяне»¹⁵.

⁷ См. подробнее: Zachariasiewicz 1842; Barącz 1856.

⁸ См. подробнее: Жилина 1961; Галустян 1980; Григорян 1980.

⁹ См. подробнее: Zakrzewska-Dubasowa 1982; Chrzęszczewski 2001.

¹⁰ Stopka 2010, 157.

¹¹ Stopka 2010, 160–162.

¹² См. подробнее: Rok 1996a-b; 1998; Wołański 1998.

¹³ Stopka 2013, 30–44.

¹⁴ Stopka 2010, 151–153.

¹⁵ См. подробнее: Дашкевич 2012a; б; в.

Отдельного внимания стоит использование в качестве аргументов К. Стопки имперских и колониальных критических утверждений в отношении украинского исторического национализма: *«Это было желание украинизировать прошлое земель сегодняшней Украины, прошлое, настолько глубоко укоренившееся в истории Польши и России, что оно обычно воспринималось как польское или российское, а не украинское»*¹⁶. Этот поворот риторики польского историка еще требует постколониальной рефлексии и вводит ситуацию армянского меньшинства Польши и Украины, кроме национального нарратива, еще и в мир имперских и постколониальных отношений, которые лишь добавляют противоречий и сложностей.

По-сути, такая позиция была продолжена затем в совместной работе К. Стопки и Анджея Зембы «Армянская Польша», в которой четвертый раздел, озаглавленный «Армянская топография древней и современной Польши», включает в себя Вильно (столицу современной Литвы Вильнюс и который, по-сути, всегда был столицей Великого княжества Литовского, по крайней мере в истории армян) и Киев (столицу Украины, которая входила в состав Польского королевства во второй половине 16–18 вв.), а также некоторое количество современных украинских городов¹⁷. Это явные примеры продолжения формирования польского национального нарратива в конкурентной борьбе с соседними национальными версиями.

Пример армян не единичен и имеет сходства с номинацией в дискуссиях и традициях номинации татар или цыган Речи Посполитой и ВКЛ в национальных нарративах Беларуси, Литвы, Польши и Украины. В один и тот же период можно увидеть академические и научно-популярные статьи и книги о «беларуских», «литовских» и «польских» татарах и цыганах¹⁸.

Трудное наследие репрессий и войн в истории армянского меньшинства Восточной Европы. Кейс советско-польской войны и Волынской резни

Английский антрополог, специалист по наследию Шэрон Макдональд предложила концепцию «трудного наследия» – «прошлое, признанное значимым в настоящем, но параллельно спорным и неудобным для публичного примирения с позитивной, самоутверждающейся современной идентичностью. «Трудное наследие» также может быть проблематичным, поскольку оно угрожает прорваться в настоящее разрушительными способами, вызывая социальные разногласия, возможно, играя в воображаемое, даже кошмарное будущее»¹⁹. В отношении рассматриваемого примера речь идет об участии представителей армянского меньшинства

¹⁶ Stopka 2010, 150.

¹⁷ Stopka, Zięba 2018, 45–48.

¹⁸ См. подробнее о татарах: Meredith-Owens, Nadson 1970; Łapicz 1986; Мишкинене 2005; 2021. См. подробнее о цыганах: Даўгяля 1926; Сербай 1926.

¹⁹ Macdonald 2009, 1–5.

на разных территориях бывшей Речи Посполитой и Российской империи в 19-ом – первой половине 20-го веков в политических и военных противостояниях в рамках борьбы различных национальных проектов (польского и украинского), а также имперского российского и советского. В этой ситуации армяне нередко оказывались по разные стороны военных конфликтов или репрессий, которые участники и стороны по-разному, нередко абсолютно противоположно, оценивали и продолжают оценивать под влиянием современных национальных вариантов исторической политики, идеологии и национализма.

Интересным примером осмысления трудного наследия армян является работа польских историков К. Стопки и А. Зембы, в которой они показали, как со времен восстания Тадеуша Костюшки 1794 г. и войны 1812 г. с Наполеоном армяне оказывались по разные стороны военных сражений. Оценка их участия дана в рамках польского национального исторического нарратива, где участие армян в военных конфликтах на российской и советской стороне рассматривалось всегда как негативное. В российской и, например, белоруской историографии все с точностью наоборот (в отличие, кстати, от экономической деятельности в России). Так, польские историки рассказывают о героическом участии Давида и Юзефа Торосевичей в войсках Варшавского герцогства. Юзеф Торосевич был военным медиком и лечил легендарного польского полководца князя Юзефа Понятовского. А с другой стороны, в российской армии воевали, например, братья Павел, Сергей, Иван и Григорий Лашкаревы, дети известного тайного советника Сергея Лазаревича Лашкарева. Павел Лашкарев дослужился до звания генерал-майора, командовал Симбирским пехотным полком и под Шевардинскими редутами получил тяжелое ранение²⁰. А его младший брат Григорий Лашкарев служил в Гродненском гусарском полку, а затем, после войны, дослужился до губернатора Гродненской губернии Российской империи²¹.

Трудным историко-культурное наследие становится тогда, когда вступает в конфликт с политикой памяти какого-либо народа или государства, когда расходится оценка вклада исторических личностей в те или иные исторические события в соответствии с конкретной идеологией или исторической политикой. Так, например, события войны 1812 г. и советско-польской войны, а также начала Второй мировой войны, кардинально по-разному оцениваются в Польше и России (и Беларуси частично). Даже названиями: в Польше и Беларуси исторически война с Наполеоном называется «Война 1812 г.», а в российской историографии «Отечественная война 1812 г.». По мнению части белорусских историков, и большинства польских, после разделов Речи Посполитой 1772, 1791 и 1793 гг. не выросло еще поколений, которые бы смогли воспринимать Российскую империю как свое отечество в борьбе с наполеоновскими войсками, но значительное коли-

²⁰ Плешко 1945, 54.

²¹ История 1886; Личное дело Григория Сергеевича Лашкарева // Национальный исторический архив Беларуси, Ф. 1297, Оп. 1, Д. 526. 1297.

чество аристократии и дворянства (шляхты) считала приход войск Наполеона освобождением от Российской империи. В отношении антироссийских восстаний 1794 г., 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг. на польских и белорусских землях, их оценка уже отличается в историографиях белорусской и польской от российской. Отсюда армянские участники восстаний и участники подавления восстаний разными национальными историческими нарративами оценивались совершенно по-разному.

Наиболее болезненными и сложными являются проблемы оценки армянского участия по обе стороны в советско-польской войне, украинские репрессии армянской польской шляхты Волыни, а также расстрелы польских офицеров в Катыни, где оказалось и довольно большое число армян Второй Речи Посполитой (межвоенной независимой Польской Республики).

Советско-польская война 1919–1921 гг. является просто невероятно запутанным клубком противоречий, где существуют три отдельных национальных исторических версий (беларуская, польская и украинская), российская (советско-имперская) и внешне нейтральная армянская с остатками советского исторического наследия. Эмоционально нагруженное оценивание общего значения войны, в отношении армянских меньшинств Польши и Украины еще отягощается оценкой их участников-армян.

На примере оценки фигуры советского большевистского полководца и политического деятеля Гая Дмитриевича Гая (настоящее имя Гайк Бжишкянц), можно заметить, как негативные оценки «большевистского захватчика» в польской историографии переходят в позитивное осмысление в белорусской и российской историографии. Г. Гай во время советско-польской войны командовал 3-им кавалерийским корпусом, был разгромлен во время польского контрнаступления и прижат к польско-немецкой границе, где был вынужден сдаться немецким властям вместе с оставшимися войсками. Против его корпуса, например, сражался армянин Корнелий Кшечунович, возглавивший атаку 8 уланского полка польской кавалерии, которая в конечном счете привела к разгрому корпуса Г. Гая²². В польской историографии утверждается, что по приказу Г. Гая было казнено более тысячи польских военнопленных, а также совершались грабежи и убийства мирного населения²³. В Армении, Беларуси и России фигура Г. Гая закреплена в официальной политике памяти: в Армении он часть национального пантеона, в Ереване есть проспект его имени и памятник (в 1922 г. он был наркомом по военным делам ССР Армения). В Беларуси в Гродно и Минске также есть улицы его имени. В России ситуация похожа. Таким образом, политика памяти в Армении, Беларуси и России сформировала места памяти, призванные расставлять четкие акценты и давать ясную оценку как самой фигуре Г. Гая, так и в целом советско-польской войне, в которой он участвовал.

²² Стопка 2013, 48–49.

²³ См. подробнее: Tarczyński 1990; Rezmer 2020.

Однако эти акценты и подходы к оценкам оказывают влияние на отношения «большинства-меньшинства» в конкретных обществах, особенно сейчас, когда исторические знания и факты о прошлом инструментализируются и превращаются в историческую политику, которая оказывает заметное влияние на общественное мнение в конкретных государствах, а также на принятие политических решений с долгосрочными политическими последствиями.

Проблема культурной апроприации армянского наследия или кейс Маджарских в Беларуси

В Беларуси национальный проект начал активно реализовываться в начале 20-го века, особенно в рамках становления Белорусской ССР. Этот процесс получил название белорусизация и протекал в 1920-е годы. В ходе него благодаря очень важной поэме Адама Мицкевича «Пан Тадеуш» (1834) (которого по факту рождения беларусы считают своим национальным поэтом, а поляки своим по польскому языку его текстов, а литовцы – литовским национальным поэтом, в связи с фактом его жизни и учебы в Вильно (сейчас Вильнюсе)) слущкий пояс как атрибут шляхтича Великого княжества Литовского закрепился как важный символ белоруской национальной культуры. В 1913 г. слущкие пояса увековечил в своем стихотворении «Белорусские ткачихи» белорусский национальный поэт Максим Богданович. С этого момента «персидские узоры» и василек с узоров слущким поясов стали очень важными символами белоруской культуры.

Однако несмотря на то, что с 1870-х гг. имена Леона и Яна Маджарских были известны как имена основателей мануфактуры поясов в Слуцке и разработчиков узоров слущких поясов, белорусское общество до настоящего времени воспринимает автором «коллективного народного гения, результатом творчества которого и являются, как преподносится, эти легендарные произведения»²⁴. Почему в популярной культуре и культуре памяти, несмотря на очевидное значительное количество упоминаний о Маджарских и их роли в создании слущких поясов во множестве научных и научно-популярных изданий, слущкие пояса в общественном сознании анонимизируются, избегая привязки к армянским мастерам из рода Маджарских. Вот цитата с сайта Музея слущких поясов в Слуцке: *«Слущкие пояса стали выдающимся художественным явлением не только белорусского, но и западноевропейского декоративно-прикладного искусства XVIII–XIX вв. Это результат тысячелетнего развития на территории Беларуси ручных ткацких технологий и художественного таланта её жителей. Слущкие пояса – это вклад белорусского народа в мировую культуру»*²⁵. Это центральная площадка популяризации слущких поясов, как одного из важнейших элементов культурного наследия Беларуси, и на главной странице сайта музея упоминания о Маджарских нет.

²⁴ Лисейчиков, Глинский 2023, 12.

²⁵ См. подробнее: Музей слущких поясов, <https://slutskiepoyasya.by/%D0%B-%D1%83%D0%B7%D0%B5%D0%B9/> (дата доступа: 26.06.2024)

С другой стороны, национальная идентичность и представление о национальном прошлом закладывается в школе. В учебнике по истории Беларуси для 10-го класса, в котором описывается нужный нам период о мануфактуре слуцких поясов, написано следующее: *«В Несвиже в 1752 году Михал Казимир Радзивил (Рыбанька) открыл суконную мануфактуру по производству шерстяных тканей. Но самой известной его мануфактурой считается «Персиарня» в Слуцке. Здесь производились знаменитые слуцкие пояса, ковры, «персидские» и «китайские» ткани. Эту мануфактуру основал М. К. Радзивил в начале 1760-х годов»*²⁶. В более ранних учебниках по истории Беларуси информация о Маджарских также практически не встречалась.

Таким образом, в широком максимальном охвате роль армян Маджарских в создании одного из символов культурного наследия Беларуси не оговаривается, тогда как в академической среде, в специальной научной литературе этот факт хорошо известен. А реакцией на такие процессы становится существование параллельных символических миров, которые могут и не пересекаться. Хотя в монографии «Маджарские. Армянский род в истории Беларуси» такое пересечение произошло. К книге о роде Маджарских, выполненной во многом на материалах Национального исторического архива Беларуси, было написано два вступительных слова – директора Фонда развития и поддержки арменоведческих исследований «Анив» Армена Хечояна и директора Национального исторического архива Беларуси Дмитрия Яцевича – армянина и белоруса. Эти вступительные слова позволяют порефлексировать и попытаться проникнуть чуть глубже в идентификации и категоризации этих двух людей, объединенных общим замыслом подготовить эту монографию.

А. Хечоян писал: *«я, как армянин, проживающий в Беларуси рад, что эта книга вышла в свет, и горд тем, что имею отношение к ее созданию. Уверен, что этот труд будет способствовать сохранению и популяризации нашего общего историко-культурного наследия...»*²⁷. Дмитрий Яцевич, по-сути, отвечает ему: *«Однако по мере развития исторической науки, пробуждение интереса к истории возникновения многих знаковых объектов белорусской культуры, зодчества, градостроительства, к истории известных белорусских дворянских родов в фондах архива выявляется все больше документов, которые проливают свет на ранее неизвестные страницы нашей истории. Зачастую новые сведения касаются не только национального достояния Беларуси, но и разных этнических групп, проживающих на белорусских землях, объектов и событий, относящихся к мировому наследию и свидетельствующих о взаимном проникновении различных культур»*²⁸.

²⁶ Белаза́ровіч і др. 2020, 164.

²⁷ Лисейчиков, Глинский 2023, 6.

²⁸ Лисейчиков, Глинский 2023, 7.

Приведенные цитаты указывают на разные подходы к пониманию цели монографии о Маджарских. Для представителя армянской общины Беларуси это специальные важные усилия, дающие возможность показать роль армян в белорусской истории, зафиксировать общность историко-культурного наследия армян и белорусов. Для белорусского архивиста это определенный этап развития белорусской исторической мысли, которая открывает новые сведения не только о белорусском народе, обществе и государстве, белорусской нации, позволяющие апеллировать к статусу мирового наследия, что важно для легитимации собственной нации, но также и осмысление новых сведений о этнических группах, живущих в Беларуси. Армянская локальная культура памяти стремится встроиться в национальный исторический дискурс Беларуси, а белорусская, в свою очередь, в мировой.

Здесь также стоит отметить, что А. Хечоян во вступительном слове фиксировал важную для армянского сообщества мысль: *«Слуцкие пояса очень быстро стали, если можно так сказать, брендом, прославляющим город, мануфактуру и страну. А вот имя их создателя, как это часто бывает в истории, все эти годы оставалось в тени»*²⁹. Д. Яцевич о забвении или неизвестности Маджарских не упоминает. Хотя стоит отметить, что непосредственно авторы монографии об этом пишут. Это лишь свидетельство разных целей и задач, стоящих перед армянской общиной Беларуси и белорусами как нацией, а также о различиях в оптике двух кураторов проекта, принадлежащих к разным группам интересов.

Этот пример с Маджарскими в Беларуси можно точно также распространить на еврейских художников Марка Шагала и Хаима Сутина и некоторые другие примеры или элементы культур этнических меньшинств Беларуси³⁰. Наблюдается процесс такого присвоения, или в очень смелом варианте, апроприации культурного наследия армян Беларуси ради белорусского национального проекта. Тут стоит учитывать, что этот национальный белорусский проект в широком смысле охватывает и армян, живущих в Беларуси. Однако национальная или культурная идентификация и категоризация армян сложнее и не может отвечать только на «более простые» вопросы белорусов.

Обсуждение

Три представленных в статье кейса хорошо иллюстрируют несколько точек противоречий и проблем, с которыми сталкиваются армянские меньшинства Беларуси, Польши и Украины, хотя вполне очевидно, что и примеров, и точек значительно больше. Во всех трех кейсах четко прослеживается зона взаимодействия между нарративами и интересами небольшой (всегда по отношению к культурно доминирующему национальному большинству во всех упомянутых

²⁹ Лисейчиков, Глинский 2023, 6.

³⁰ Касовіч, Салаўянава 2021, 195–196.

странах) армянской общности и сложными, всегда политически ангажированными в Восточной Европе национальными проектами, формирующимися в них национальными историческими нарративами беларусов, поляков и украинцев. В случае первых и последних еще стоит отметить отсутствие национальной монолитности, что дает широкие возможности для манипуляций идеологиями и пропагандами.

Очевидно, что задача армянских сообществ – показать и доказать свое историческое присутствие и общность историко-культурного наследия для национального большинства. В случае Польши и Украины это значительно легче, так как существует значительный исторический материал. Для Беларуси задача явно сложнее. Поэтому приходится подключать и тему Великой Отечественной войны, и партизан, и Брестской крепости и др., что жестко увязано сейчас с исторической политикой современной Беларуси. Однако для национальных проектов Польши и Украины ситуация осложняется их конкурентностью, а также наличием в исторической политике обоих государств трудного наследия и серьезных противоречий в его оценке.

Сложность представляет также наличие советского исторического и идеологического *бэкграунда*, который используется исторической политикой России, а также Польши, что явно требует постколониальной рефлексии, но не только на уровне национальных проектов беларусов, поляков и украинцев, но также точно такой же в отношении себя со стороны армянских общин, а где это не получается, то и *авторефлексии* национальных нарративов в ущерб себе. Нередко национальные академические исследователи в Беларуси, Польше и Украине выдают собственные интересы (как академические, так и национальные) за интересы армян, а голоса армян не слышны, или они вынуждены учитывать свою подчиненность (символическую, академическую и иную) или опираться на ресурсы Армении, которые, как в случае с Г. Гаем, могут не совпадать с ожиданиями или задачами как армянского меньшинства, так и вступать в противоречие с местными национальными проектами.

Тем не менее, вербализация вышеперечисленных проблем и точек противоречий позволяет четче очертить контуры этих процессов и понять роль разных субъектов в них.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

БЕЛАЗАРОВІЧ і др. 2020

Белазаровіч В.А., Кудраўцава С.А., Любы А.У., Гісторыя Беларусі са старажытных часоў да канца XVIII ст.: вучэб. дапам. для 10-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання (з электрон. дадаткам для павышанага ўзроўню), (пад рэд. В.А. Белазаровіча), Мінск, «Выд. цэнтр БДУ», 2020, 271 с.

[История Беларуси с древнейших времен до конца XVIII века: образовательный. вспомогательный для 10 класса. государственные учреждения. Среда образование из Беларуси. язык обучения (с электронным приложением для продвинутого уровня), (ред. В.А. Белозерович), Минск, «Центр БГУ», 2020, 271 с.].

БІЧ 1993

Біч М., Аб нацыянальнай канцэпцыі гісторыі і гістарычнай адукацыі ў Рэспубліцы Беларусь // Беларускі гістарычны часопіс, 1993, № 1, 15–24.

[О национальной концепции истории и историческом образовании в Республике Беларусь // Белорусский исторический журнал, 1993, № 1, 15–24].

ГАЛУСТЯН 1980

Галустян Дж., Культурная жизнь армянских колоний средневековой Польши (XVI–XVIII век), Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1980, 162 с.

ГРИГОРЯН 1980

Григорян В.Р., История армянских колоний Украины и Польши, Ереван, изд. АН Арм. ССР, 1980, 291 с.

ДАЎГЯЛА 1926

Даўгяла З.І., Цыганы на Беларусі // Наш край, 1926, № 12, 25–34.

[Цыгане в Белоруссии // Наш край, 1926, № 12, 25–34].

ДАШКЕВИЧ 2012а, б, в

Дашкевич Я.Р., Армянское самоуправление во Львове в 60–80-х гг. XVII в.

Протоколы Армянского Совета старейшин как исторический источник / Армянские кварталы средневековых городов Украины / Ян Ласицкий и его очерк об армянах на Украине в 70-х гг. XVI ст. // Армяне на Украине: по дорогам тысячелетий. Сборник научных трудов, Львов, «Логос», 2012, 665–681, 743–786, 1151–1159.

ЖИЛИНА 1961

Жилина В., Исторические связи и дружба украинского и армянского народов, Ереван, изд. АН Арм.ССР, 1961, 265 с.

ИСТОРИЯ 1886

История 18 Драгунского Клястицкаго Его королевского Высочества Великого герцога Гессенского полка. 1806–1886. Составил поручик Цехановецкий, Варшава, типография братьев Ежинских, 1886, 144 с.

ІГНАТЕНКО 2022

Ігнатенко Н., Генезис шкільної історичної освіти в Україні (1991–1996 рр.) //

Актуальні питання гуманітарних наук, вип. 57, 2022, том 1, 285–290.

[Генезис школьного исторического образования в Украине (1991–1996 гг.) //

Актуальные вопросы гуманитарных наук, вып. 57, 2022, том 1, 285–290].

КАСОВІЧ, САЛАЎЯНАВА 2021

Гісторыя Беларусі, XIX – пачатак XXI ст. : вучэб. дапам. для 11-га кл. устаноў агул. сярэд. адукацыі з беларус. мовай навучання (рэд. А.В. Касовіча, А. П. Салаўянава), Мінск, «Выд. цэнтр БДУ», 2021, 240 с.

[История Беларуси XIX – начала XXI вв.: образовательный, вспомогательный для 11 класса государственных учреждений, беларус. язык обучения (ред. А.В. Косович, А. П. Соловьев), Минск, «Центр БГУ», 2021, 240 с.].

ЛИСЕЙЧИКОВ, ГЛИНСКИЙ 2023

Лисейчиков Д.В., Глинский Е.С. Маджарские армянский род в истории Беларуси, Ереван-Минск, «Фонд Анив», 2023, 488 с.

МИЛЛЕР 2012

Миллер А., Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. //

Историческая политика в 21 веке (ред. М. Липман), Москва, «Новое литературное обозрение», 2012, 7–32.

МИШКИНЕНЕ 2005

Мишкинене Г., Очерк истории и культуры литовских татар // Диаспоры, 2005, № 2, 40–62.

МИШКИНЕНЕ 2021

Мишкинене Г., Семья и семейные ценности: на основе рукописей литовско-польских татар // *Vertybės lietuvių ir lenkų kalbų pasaulėvaizdyje* (Ценности в картине мира литовского и польского языков), 2021, № 1, 292–307.

ПЛЕШКО 1945

Плешко Н.Д., Лашкаревы. Материалы для родословия, Нью-Йорк, «Новик», 1945, 314 с.

СЕРБАЇ 1926

Сербаї І.А., Цыганы. Ведай сваю гісторыю // Малады араты, 1926, № 7, 14.
[Цыгане. Знай сваю історыю // Молодые пахари, 1926, № 7, 14].

СТОПКА 2013

Стопка К., Социальный и правовой статус армянских общин в Королевстве Польском и Великом княжестве Литовском // Художественная культура армянских общин на землях Речи Посполито, Материалы Международной научной конференции (Минск, 9–11 октября 2012 г.) (сост. И. Н. Скворцова), Минск, «АртДизайн», 2013, 30–44.

ЧУПРІЙ 2011

Чупрій Л., Історична освіта в Україні як складова державної політики пам'яті // Політичний менеджмент, 2011, № 4, 18–26.

[Историческое образование в Украине как составляющая государственной политики памяти // Политический менеджмент, 2011, № 4, 18–26].

BARĄCZ 1856

Barącz S., Żywoty sławnych Ormian w Polsce, Lwów, «Ossolineum», 1856, 485 с.
[Жизни знаменитых армян в Польше, Львов, «Оссолинеум», 1856, 485 с.].

CHRZĄSZCZEWSKI 2001

Chrząszczewski J., Kościoły Ormian polskich. Warszawa, «Res Publica Multiethnica», 2001, 160 с.

[Церкви польских армян. Варшава, «Рес Публика Мультиэтника», 2001, 160 с.].

ŁAPICZ 1986

Łapicz Cz., Kitab Tatarów litewsko-polskich, Toruń, «Wydawnictwo Naukowe «UMK»», 1986, 236 с.

[Книга литовско-польских татар, Торунь, «Научное издательство «УМК»», 1986, 236 с.].

MACDONALD 2009

Macdonald Sh., Difficult heritage. Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond, New York, «Routledge», 2009, 231 p.

MEREDITH-OWENS, NADSON 1970

Meredith-Owens G.M., Nadson A. The Byelorussian Tartars and their Writings // Journal of Byelorussian Studies, 1970, № 2, 141–176.

REZMAR 2020

Rezmer W., Jeńcy polscy w niewoli sowieckiej, Kraków-Warszawa, «IPN», 2020, 156 с.
[Польские военнопленные в советском плену, Краков-Варшава, «IPN», 2020, 156 с.].

ROK 1996a

Rok B., Mniejszości narodowe i religijne w Rzeczypospolitej w czasach saskich. Sten badań i postulaty badawcze // Między Barokiem a Oświeceniem. Nowe spojrzenie na

czasy saskie (red. K. Stasiewicz i S. Achremczyka), Olsztyn, «Ośrodek badań naukowych im. W. Kętrzyńskiego», 1996, 71–84.

[Национальные и религиозные меньшинства в Речи Посполитой в саксонские времена. Темы и постулаты исследований // Между Барокко и Просвещением. Новый взгляд на саксонские времена (ред. К. Стасевича и С. Ахремчика), Ольштын, «Научно-исследовательский центр им. В. Кентшинский», 1996, 71–84].

ROK 1996b

Rok B., Stosunek Kościoła katolickiego do autonomii mniejszości religijnych w Rzeczypospolitej XVI–XVIII wieku // Pamiętnik XV Powszechnego Zjazdu Historyków Polskich (red. J. Staszewskiego), Warszawa, «Wydawnictwo Adam Marszałek», 1996, № 1, 231–240.

[Отношение Католической Церкви к автономии религиозных меньшинств в Речи Посполитой в XVI–XVIII вв. // Мемуары XV Генерального съезда польских историков (ред. Я. Сташевского), Варшава, «Издательский дом Адама Маршалек», 1996, № 1, 231–240].

ROK 1998

Rok B., Ormianie w Kościele rzymskokatolickim w XVIII w. // Rola mniejszości narodowych w kulturze i oświacie polskiej w latach 1700–1939 (red. A. Bilewicz i S. Walasek), Wrocław, «Un. Wrocław.», 1998, 19–29.

[Армяне в Римско-католической церкви в XVIII веке // Роль национальных меньшинств в польской культуре и образовании в 1700–1939 годах (ред. А. Билевича и С. Валасека), Вроцлав, «ООН», 1998, 19–29].

STOPKA 2010

Stopka K., Ormianie polscy czy ukraińscy? O sposobie pisania historii Ormian na ziemiach dzisiejszej Ukrainy Zachodniej // Lehahayer. Czasopismo poświęcone dziejom Ormian polskich, 2010, № 1, 149–171.

[Польские, или украинские армяне? На пути написания истории армян на землях нынешней Западной Украины // Лехахайер. Журнал, посвященный истории польских армян, 2010, № 1, 149–171].

STOPKA, ZIĘBA 2018

Stopka K., Zięba A.A., Ormiańska Polska, Warszawa, «Akcydens», 2018, 315 с.

[Армянская Польша, Варшава, «Акцыденс», 2018, 315 с.].

TARCZYŃSKI 1990

Tarczyński M., Losy jeńców rosyjskich wziętych do niewoli polskiej w 1920 r. // Polska Zbrojna, 1990, № 1, 22–45.

[Судьба русских военнопленных, попавших в польский плен в 1920 году // Polska Zbrojna, 1990, № 1, 22–45].

WOŁAŃSKI 1998

Wołański F., Postawa Ormian lwowskich wobec śmierci w świetle ich testamentów // Rola mniejszości narodowych w kulturze i oświacie polskiej w latach 1700–1939 (red. A. Bilewicz i S. Walasek), Wrocław, «Un. Wrocław.», 1998, 31–39.

[Отношение львовских армян к смерти в свете их завещаний // Роль национальных меньшинств в польской культуре и образовании в 1700–1939 гг. (ред. А. Билевича и С. Валасека), Вроцлав, «ООН», 1998, 31–39].

ZACHARIASIEWICZ 1842

Zachariasiewicz F.X., Wiadomość o Ormianach w Polsce, Lwów, «Patrimonium», 1842, 85 с.

[Новости об армянах в Польше, Львов, «Патримониум», 1842, 85 с.].

ZAKRZEWSKA-DUBASOWA 1982

Zakrzewska-Dubasowa M., *Ormianie w dawnej Polsce*, Lublin, «Wydawnictwo Lubelskie», 1982, 343 c.

[Армяне в древней Польше, Люблин, «Люблинское издательство», 1982, 343 с.].

Stepan A. Zakharkevich, Ph.D., Associate Prof.

European Humanities University, Vilnius, Lithuania

CULTURE OF MEMORY OF ARMENIAN COMMUNITIES IN EASTERN EUROPE AND THE INFLUENCE OF HISTORICAL POLICIES AND NATIONAL PROJECTS AT THE PRESENT STAGE

Keywords: The history of the Armenians of Belarus, Poland, Ukraine, the culture of memory of the Armenians of Eastern Europe, historical politics, difficult heritage of Armenians of Eastern Europe.

The article examines several examples of different historical narratives (Pan-Armenian, regional and national) about the Armenian communities of Belarus, Poland and Ukraine under the influence of national modern traditions, the historical policies of the states of Eastern Europe, as well as their influence on the culture of memory of the Armenian communities of this region. The intersection of these different historical narratives creates conflicts and contradictions. The situation is complicated by the fragile and unstable system of “majority-minority” relations, as well as the ideological attitudes of these states. The article analyzes several examples that allow us to outline and characterize points of contradiction in the above-mentioned narratives: a discussion about the legitimacy of the terminology “Ukrainian Armenians” during the Polish-Lithuanian Commonwealth (16th–18th centuries) as opposed to the concept of “Polish Armenians”; an example of the “difficult” legacy of the Soviet-Polish war of 1919–1921, in which Armenians participated on both sides; a case of contact between the national historical narrative of Belarus and the cultural influence of Leon and Jan Madzharski. As a result, virtually no one is interested in discussing more complex and hybrid historical processes and non-linear ethnic processes, or the formation of new, contradictory historical narratives.

Ստեփան Արթուրի Ջախարկևիչ, պ.գ.թ., դոցենտ

Եվրոպական հումանիտար համալսարան, Վիլնյուս, Լիտվա

ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ԵՐՈՊԱՅԻ ՀԱՅ ՀԱՄԱՅՆՔՆԵՐԻ ՀԻՇՈՂՈՒԹՅԱՆ
ՄՇԱԿՈՒՅԹԸ ԵՒ ԴՐԱ ՎՐԱ ՊԱՏՄԱԿԱՆ ԶԱՐԱԶԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ
ՈՒ ԱԶԳԱՅԻՆ ԾՐԱԳՐԵՐԻ ԱԶԴՅՈՒԹՅՈՒՆԸ ԱՐԴԻ ՓՈՒԼՈՒՄ

Հիմնաբաներ՝ Բելառուսի, Լեհաստանի, Ուկրաինայի հայերի պատմություն, Արևելյան Եվրոպայի հայերի հիշողության մշակույթ, պատմական քաղաքականություն, Արևելյան Եվրոպայի հայերի դժվարին ժառանգություն:

Հոդվածում քննարկվում են Բելառուսի, Լեհաստանի և Ուկրաինայի հայ համայնքների մասին տարբեր պատմությունների (համահայկական, տարածաշր-

ջանային և ազգային) մի քանի օրինակներ՝ արդի ազգային ավանդույթներ, Արևելյան Եւրոպայի պետությունների պատմական քաղաքականության, ինչպես նաև այդ տարածաշրջանի հայ համայնքների հիշողության մշակույթի վրա դրանց ազդեցությունը: Այս տարբեր պատմությունների հատուկներն առաջացնում են հակամարտություններ և հակասություններ: Իրավիճակը բարդանում է «մեծամասնություն-փոքրամասնություն» հարաբերությունների փխրուն և անկայուն բնույթով, ինչպես և հիշյալ պետությունների գաղափարական դիրքորոշումներով:

Հոդվածում վերլուծվում են մի քանի օրինակներ, որոնք թույլ են տալիս ուրվագծել և բնութագրել վերոհիշյալ պատմություններում հակասության կետերը, քննարկում են «Ուկրաինայի հայեր» եզրաբանության օրինակարգությունը լեհալիտվական ընդհանուր պետության տարիներին (16–18-րդ դդ.), «լեհահայեր» հասկացությունը՝ որպես 1919–1921 թթ. խորհրդա-լեհական պատերազմի «դժվար» ժառանգության օրինակ, որին 2 կողմից էլ հայերը մասնակցում էին, Բելառուսի ազգային պատմական պատմույթի և Լեոն ու Յան Մաջարսկիների կյանքի ու մշակութային ազդեցության միջև շփման դեպքը: Արդյունքում՝ գործնականում ոչ ոք չահագրգռված չէ քննարկելու ավելի բարդ և հիբրիդային պատմական և ոչ-գծային էթնիկ գործընթացներ, ինչպես նաև ձևավորելու նոր՝ ավելի բարդ և հակասական պատմություններ:

Ներկայացվել է՝ 11.01.2025,

գրախոսվել է՝ 08.03.2025,

ընդունվել է՝ 10.07.2025: